

Гайдар Аркадий Петрович Левка Демченко

Аркадий Гайдар
Левка Демченко
СЛУЧАЙ ПЕРВЫЙ

Был этот Демченко, в сущности, неплохим красноармейцем. И в разведку часто хаживал, и в секреты становится вызывался.

Только был этот Демченко вроде как с фокусом. Со всеми ничего, а с ним обязательно уж что-нибудь да случится: то от своих отстанет, то заплутается, то вдруг исчезнет на день, на два и, когда ребята по нем и поминки-то справлять кончат, вывернется вдруг опять и, хохоча отчаянно, бросит наземь замок от петлюровского пулемета или еще что-либо, рассказывая при этом невероятные истории о своих похождениях. И поверить было ему трудно, и не поверить никак нельзя.

Другого бы на его месте давно орденом наградили, а Левку нет. Да и невозможно наградить, потому что все поступки его были какие-то шальные вроде как для озорства. Однажды, будучи в дозоре, наткнулся он на два ящика патронов, брошенных белыми, пробовал их поднять - тяжело. Тогда перетянул их ремнями, навьючил на пасшуюся рядом корову, так и доставил патроны в заставу.

Однако, нечего скрывать, любили его, негодяя, и красноармейцы и командиры, потому что парень он был веселый, бодрый. В дождь ли, в холод ли идет себе насвистывает. А когда на привале танцевать начнет - так из соседних батальонов прибегают смотреть.

Было это дело в Волынской губернии. В 1919, беспокойном году. Бродили тогда банды по Украине неисчислимыми табунами. И столько было банд, что если перечислить все, то и целой тетради не хватит. Был погружен наш отряд в вагоны и отправился через Коростень к Новгород-Волынску.

Едем мы потихоньку - впереди путь разобран. Починим - продвигаемся дальше, а в это время позади разберут. Вернемся, починим - и опять вперед, а там уже опять разобрано. Так и мотались взад и вперед.

Поехали мы как-то до станции Яблоновка. Маленькая станция в лесу - ни живой души. Ну, остановились. Ребята разбрелись, костры разложили, утренний чай кипятят, картошку варят. И никто внимания не обратил, что закинул Левка карабин через плечо и исчез куда-то.

Идет Левка по лесной тропинке и думает: "В прошлый раз, как мы сюда приезжали, неподалеку на мельнице мельника захватили. Был тот мельник наипервейший бандит. Сын же его - здоровенный мужик - убежал тогда. Надо подобраться, не дома ли он сейчас?"

Прошел Левка с полверсты, видит - выглядывает из-за листвы крыша хутора. Ну, ясное дело, спрятался Левка за ветки и наблюдает, нет ли чего подозрительного: не ржут ли бандитские кони? Не звякают ли петлюровские обрезы?

Нет, ничего, только жирные гуси, греясь на солнце, плавают в болотце да кричат пересвистами болотная птица - кулик. Подошел Левка и винтовку наготове держит. Заглянул в окошко - никого. Только вдруг выходит из избы старуха мельничиха. Нос крючком, брови конской гривой. Ажно остолбенел Левка от ее наружности. И говорит ему эта хищная старуха ласковым голосом:

- Заходи в горницу, солдатик, может закусишь чего.

Идет Левка сенцами, а старуха за ним. И видит Левка слева дверцу - в чулан, должно быть. Распахнул он и взглянул на всякий случай - не спрятался ли там кто. Не успел Левка присмотреться как следует, как толкнула его со всей силы в спину старуха и захлопнула за ним с торжествующим смехом дверь.

Поднявшись, прыгнул назад Левка, рванул скобку - поздно. "Ну, - думает он, - пропал!" Кругом никого, один в бандитском гнезде, а старуха уже неприятным голосом какого-то не то Гаврилу, не то Вавилу зовет. Набегут бандиты - конец.

И только было начал настраиваться Левка на панихидный лад, как вдруг рассмеялся весело и подумал про себя: "Ничего у тебя, мамаша, с этим делом не выйдет".

Задвинул он засов со своей стороны. Глядит - кругом мешки навалены, стены толстые, в бревнах вместо окон щели вырублены. Скоро сюда не доберешься. Скрутил он тогда сигарку, закурил. Потом выставил винтовку в щель и начал спокойно садить выстрел за выстрелом в солнце, в луну, в звезды и прочие небесные планеты.

Слышит он, что бегут уже откуда-то бандиты, и думает, затыгиваясь махоркой: "Бегите, пес вас заешь! А наши-то стрельбу сейчас услышат - вмиг заинтересуются".

Так оно и вышло. Сунулся кто-то дверь ломать, Левка через дверь два раза ахнул. Стали через стены в Левку стрелять, а он за мешки с мукой забрался и лежит лучше, чем в окопе. Так не прошло и двадцати минут, как вылетает вихрем из-за кустов взводный Чубатов со своими ребятами. И пошла между ними схватка.

Уже когда окончилась перестрелка и заняли красные хутор, орет из чулана Левка:

- Эй, отойдите!

Подивились ребята:

- Чей это знакомый голос из чулана гукает?

Отперли и глаза вытаращили:

- Ты как здесь очутился?

Рассказал Левка, как его баба одурила, - ребята в хохот.

Но три наряда вне очереди ротный дал - не ходи, куда не надо, без спроса. Засвистел Левка, улыбнулся и полез на крышу наблюдателем.

СЛУЧАЙ ВТОРОЙ

Однажды, перед тем как выступить в поход к деревне Огнище, сказал Левке станционный милиционер:

- Рядом с Огнищами деревушка есть, Капищами прозывается. Стоит она совсем близко, сажень двести - так что огороды сходятся. Ну, так вот, сам я оттуда, домишка самый крайний. Сейчас в нем никого нет. В подполе, в углу, за барахлом разным, шашку я спрятал, как из дому уходил. Хорошая шашка, казачья, и темляк на ней с серебряной бахромой.

И запала Левке в голову эта шашка, так что впутался из-за нее, дурак, в такое дело, что и сейчас вспоминать жуть берет.

Дошли мы с отрядом до Огнища. А место такое гиблое, за каждой рощицей враг хоронится, в каждой меже бандит прячется. На улицах пусто, как после холеры, а гибелью каждый куст, каждый стог сена дышит.

Пока отряд то да сё, подводы набирал, халупы осматривал, Левка, будь ему неладно, смылся. Прошел мимо огнищенских огородов, попал на горку в Капище. Кругом тишь смертная. Трубы у печей дымят, горшки на загнетках горячие, а в халупах ни души. Кто победней - давно в Красную ушел, кто побогаче - обрез за спину да в лога попрятался.

Идет Левка. Карабин наготове, озирается. Нашел крайнюю избушку, отворотил доски от двери и очутился в горнице. А там пыль, прохлада, видно, что давно хозяевами брошена хатенка. Нашел он кольцо от подпола и дернул его. Внизу темно, гнилко, сырость, смертью пахнет. Поморщился Левка, но полез.

Около часа, должно быть, копался, пока нашел шашку. Смотрит и ругается. Наврал безбожно милиционер - ничего в шашке замечательного: ножны с боков пообтерты, а темляк тусклый и бахрома наполовину повыдернута. Выругался Левка, но все же забрал находку и вылез на улицу.

Прошел Левка шагов с десятков - остановился. И холодно что-то стало Левке, несмотря на то что пекло солнце беспощадной жарой июльского неба. Смотрит Левка и видит как на ладони внизу деревушка Огнище, поля несжатые, болотца в осоке, рощи, ручейки. Все это прекрасно видит Левка, одного только не видит Левка - своего отряда не видит. Как провалился отряд.

Вздрогнул Левка и оглянулся. А оттого ему жутко стало, что если ушел отряд, то оживут сейчас кусты, зашелестит листва, заколышется несжатая рожь, и корявые обрезы, высунувшиеся отовсюду, принесут смерть одинокому, оставшему от отряда красноармейцу.

Перебежал улицу, выбрался к соломенным клуням. Нет никого. Никто еще не успел заметить Левку. Смотрит он и видит, что от горизонта ровно как бы блохи скачут. И понял тогда Левка - конница петлюровская прямо сюда идет. Либо батьки Соколовского, либо атамана Струка - и так и этак плохо!

Забегал он в одну клуню, а та чуть не до крыши соломой да сеном набита. Забрался он на самый верх, дополз до угла и стал сено раскапывать. Раскапывает, а сам все ниже опускается. Так докопался до самого низа. Сверху его сеном запорошило, через стены плетеной стенки воздух проходит, и даже видно немного, но только на зады.

И что бы вы подумали? Другого на его месте удар бы хватил: один-одинешенек, в деревне топот - банда понаехала. А Левка сел, кусок сала из сумки вытащил и жрет, а сам думает: "Здесь меня не найдут, а ночью, если умно действовать, - выберусь". Приладил под голову вещевого мешок и заснул благо перед этим три ночи покоя не было.

Просыпается - ночь. В щелку звезды видны и луна. Звезды еще так-сяк, а луна уже вовсе нехвата. Выбрался он наверх и пополз на четвереньках. Вдруг слышит рядом разговор. Насторожился - пост в десяти шагах. Лег тогда Левка плашмя - в одной руке карабинка, в другой шашка - и пополз, как ящер. Сожмет левую ногу, выдвинет правую руку с карабином, потом бесшумно выпрямится. Так почти рядом прополз мимо поста. Все бы хорошо, только вдруг чувствует, что под животом хлябь пошла. И так заполз он в болото. Кругом тина - грязь, вода под горло подходит, лягушки глотку раздирают. И вперед ползти никак лежать невозможно, и стоя идти нельзя - сразу с поста заметят и срежут. Луна светит, как для праздника, петлюровцы всего в пятнадцати шагах, и никуда никак не сунешься. Что делать?

Подумал тогда Левка, высунул осторожно из воды, снял с пояса бомбу, нацелился и что было силы метнул ее вверх, через головы петлюровского караула. Упала бомба далеко с другой стороны, так ахнуло по кустам, что только клочья в небо полетели. Петлюровцы повскакали, бросились на взрыв, стрельбу открыли в другую сторону, а Левка поднялся и по болоту - ходу. Добрался до суха, пополз по ржи на четвереньках, потом в кусты и завихлял, закружился - только его и видели.

К рассвету до станции добрал. Ребята ажно рты поразинули - опять жив, черт! Ротный выслушал его рассказ, опять наряды дал: не шатайся, куда не надо, без толку; но все же потом, когда ушел Левка, сказал ротный ребятам:

- Дури у него в башке много, а находчивость есть. Если его на курсы отдать да вышколить хорошенько, хороший из него боец получиться может, с инициативой.

А шашку Левка кашевару отдал, нехай в обозе таскается. И то правда. Ну, на что пехотинцу шашка? Своей ноши мало, что ли?

СЛУЧАЙ ТРЕТИЙ

Было это уже под Киевом. Шли тогда горячие бои, и отбивались отчаянно наши части зараз и от петлюровцев и от деникинцев. Стояла наша рота в прикрытии артиллерии, в неглубоком тылу. А рядом к грузовику на веревке наблюдательный воздушный шар был подвешен. То ли газ через оболочку стал проходить, то ли щель какая в шаре образовалась, а только стал он потихоньку спускаться, и как раз в самую нужную минуту.

Говорит тогда командир:

- А ну-ка, ребята, кто ростом поменьше? Хотя бы ты, Демченко, залезай в корзину. Да винтовку-то брось, может, он тебя подымет. Еще бы хоть пять минут продержаться - понаблюдать, что там за холмами делается.

Левка раз-раз - и уже в корзине. Поднялся опять шар. Но едва успел Левка сверху по телефону несколько фраз сказать, как вдруг загудел, захрипел воздух, и разорвался близко снаряд. Потом другой, еще ближе. Видят снизу, что дело плохо. Стали на вал веревку наматывать и шар снижать, как бабахнет вдруг совсем рядом! Грузовик ажно в сторону отодвинуло, двух коней осколками убило, а Левка как сидел наверху, так и почувствовал, что рвануло шар кверху и понесло по воздуху - перебило веревку взрывом.

Летит Левка, качается, ухватился руками за края корзинки и смотрит вниз. А внизу бой отчаянный начинается. С непривычки у Левки голова кружится, а когда увидел он, что несет его ветром прямо в сторону неприятельского тыла, то совсем ему печально как-то на душе стало и даже домой, в деревню, захотелось.

Слышит он, что прожужжала рядом пчелой пуля. Потом сразу точно осиный рой загудел. Шар обстреливают, понял он.

"Прямо белым на штыки сяду", - подумал Левка.

Но ветер, к счастью, рванул сильнее и потащил Левку дальше, за лес, за речку, черт его знает куда.

Потом окончательно начал издыхать шар и опустился с Левкой прямо на деревья. Заскакал он, как белка, по веткам, выбрался вниз и почесал голову. Чеши не чеши, а делать что-нибудь надо.

Стал он пробираться лесом, выбрался на какую-то дорогу, к маленькому лесному хутору. Подполз к плетню, видит - в хате петлюровцы сидят, не меньше десятка, должно быть. Только собрался он утекать подальше, как заметил, что на плетне мокрая солдатская рубаха сушится, а на ней погоны. Подкрался Левка, стащил потихоньку и рубаху и штаны, а сам ходу в лес.

Напялил обмундировку и думает: "Ну, теперь и за белого бы сойти можно, да пропуска их не знаю". Пополз обратно, слышит - неподалеку у дороги пост стоит. Левка - рядом и слушает. Прележал, должно быть, с час, вдруг топот кавалерист скачет.

- Стой! - кричат ему с поста. - Кто едет? Пропуск?

- Бомба, - отвечает тот. - А отзыв?

- Белгород.

"Хорошо, - подумал Левка, - погоны-то у меня есть, пропуск знаю, а винтовки нет. Какой же я солдат без винтовки?"

Выбрался он подальше и пошел краем леса, близ дороги. Так прошел версты четыре, видит - навстречу двое солдат идут. Заметили они Левку и окликнули, спросили пропуск - ответил он.

- А почему, - спрашивает один, - винтовки у тебя нет?

И рассказал им Левка, что впереди красные партизаны на ихний отряд налет сделали, чуть не всех перебили, а он как через речку спасался, так и винтовку утопил. Посмотрели на него солдаты, видят - правда: гимнастерка форменная и вся мокрая, штаны тоже, поверили.

А Левка и спрашивает их:

- А вы куда идете?

- На Семеновский хутор с донесением.

- На Семеновский? Так вот что, братцы, недавно тут зарево было видно. Я думаю, уже не сожгли ли партизаны этот Семеновский хутор? Смотрите, не нарвитесь.

Задумались белые, стали меж собой совещаться, а Левка добавляет им:

- А может, это не Семеновский горел, а какой другой? Разве отсюда поймешь? Залезай кто-нибудь на дерево, оттуда все как на ладони видно. Я бы сам полез, да нога зашиблена, еле иду.

Полез один и винтовку Левке подержать дал. А покуда тот лез, Левка и говорит другому:

- Жужжит что-то. Не иначе, как ероплан по небу летит.

Задрал тот затылок, стал глазами по тучам шарить, а Левка прикладом по башке как ахнет, так тот и свалился. Сшиб Левка выстрелом с дерева другого, забрал донесение, забросил лишнюю винтовку в болото и пошел дальше.

Попадается ему навстречу какая-то рота. Подошел Левка к ротному и отрапортовал, что впереди красные засаду сделали и белых поразогнали, а двое убитых и сейчас там у самой

дороги валяются. Остановился ротный и послал двух конных Левкино донесение проверить. Вернулись конные и сообщают, что действительно убитые возле самой дороги лежат.

Написал тогда ротный об этом донесение батальонному и отправил с кавалеристом. А Левка идет дальше и радуется - пускай все ваши планы перепутаются!

Так прошло еще часа два. По дороге заодно штыком провод полевого телефона перерубил. Затем ведерко с дегтем нашел и в придорожный колодец его опрокинул - хай лопают, песчи дети!

Так выбрался он на передовую линию, а там идет отчаянный бой, схватка, и никому нет до Левки дела. Видит Левка, что не выдержат белые. Залег он тогда в овражек, заметал себя сеном из соседнего стога и ожидает. Только-только мимо ураганом пролетела красная конница, как выполз Левка, содрал погоны и пошел своих разыскивать. На этот раз, когда увидели его ребята, даже не удивились.

- Разве, - говорят, - тебя, черта, возьмет что-нибудь? Разве на тебя погибель придет?

И ротный на этот раз нарядов не дал, потому что не за что было. Наоборот, даже пожал руку, крепко-крепко.

А Левка ушел к лектому Поддубному, попросил у него гармонь, сидит и наигрывает песни, да песни-то все какие-то протяжные, грустные. Дядя Нефедыч, земляк, покачал головой и сказал в шутку:

- Смотри, Левка, смерть накличешь.

Улыбнулся Левка и того не знал, что смерть ходит уже близко-близко бесшумным дозором.

"Красный воин" (Москва), 1927, 30, 31 августа и 1 сентября